

СОБЫТИЯ

Полиция Каталонии отказалась переподчиниться центральному правительству Испании

Прокуратура Каталонии назначила единого координатора действий правоохранительных органов Испании и Каталонии в связи с событиями, происходящими в автономии накануне референдума, который собираются провести каталонские власти 1 октября и который не признает испанское правительство.

Однако правительство Каталонии (Женералитет — RN) отказалось выполнить это распоряжение.

23 сентября, главный прокурор Каталонии Хосе Мария де Техада по запросу МВД вызвал руководство каталонских подразделений Гражданской гвардии и Национальной полиции, а также главу каталонских правоохранительных органов Mossos d'Esquadra Жозепа Луиса Траперо и сообщил, что в координацию действий силовиков в Каталонии вносятся изменения. Отныне она переходит под управление испанского государства — ее будет осуществлять полковник Гражданской гвардии, директор департамента координации государственного секретариата по безопасности Диего Перес-де лос Кобос. Полковник назначит ответственных силовиков на местном уровне, которые будут обеспечивать координацию.

В приказе говорится, что-де лос Кобос может проводить собрания по «планированию и координации» действий правоохранительных органов, но также должен отчетываться перед прокуратурой.

МВД Испании отрицает, что данное назначение означает попытку забрать часть полномочий у каталонских Mossos d'Esquadra. Однако на встрече, Траперо сказал, что прокурор превышает свои полномочия.

Женералитет Каталонии заявил, что не согласен с таким решением, поскольку уже существует механизм координации между правоохранительными органами Каталонии — ее осуществляет Совет по безопасности.

«Mossos de Esquadra и Совет внутренних дел Каталонии не согласны с контролем полицейских подразделений в Каталонии. Мы заявляем, что государство вмешивается в работу полицейских подразделений Каталонии. У Каталонии уже есть органы для координации действий», — заявил советник внутренних дел Женералитета Жоаким Форн.

ГЕОПОЛИТИКА

Почему Башар Асад побеждает в войне в Сирии

Вот что пишет теперь Брюссель

Как получилось, что ситуация повернулась в сторону Башара Асада, хотя еще весной 2015 года продвижение джихадистских и салафитских мятежников на северо-западе страны и «Исламского государства» у Пальмиры поставили сирийскую армию в опасное положение? Вмешательство российских ВВС сыграло решающую роль и сделало Путина мастером сирийской игры.

Военная поддержка союзников была дополнена чрезвычайно активной дипломатией, которая была нацелена на нейтрализацию сделавших ставку на смену режима государств. Так, Путин использовал угрозу курдского проекта объединения областей к югу от турецкой границы, чтобы заставить Эрдогана несколько дистанцироваться от лагеря противников Асада. Он позволил турецкой армии войти в Сирию с целью помешать курдам объединить свои земли. Расположенная к югу Иордания закрыла границы, чтобы не дать джихадистам проникнуть в Сирию через ее территорию. Наконец, Путин запустил в Казахстане свой собственный мирный процесс при содействии Ирана и Турции.

Его целью было создать «зоны деэскалации» между сирийской армией и различными отрядами мятежников, чтобы подвести всех к прекращению боевых действий. В настоящий момент формируется три таких зоны. В то же время с запланированной в Идлибе четвертой зоной все не так просто. В регионе закрепился бывший «Джабхат ан-Нусра» (запрещенная в России террористическая организация — прим. ред.), который стал самой влиятельной группой и сейчас формирует собственный исламский эмират, подчиняя или уничтожая бывших союзников. Принятое в июле Дональдом Трампом решение о прекращении военной поддержки мятежников (за исключением состоящих преимущественно из курдов сирийских демократических сил, которые сражаются с ИГИЛ на востоке страны) подтверждает отказ США от политики смены режима.

Это решение опирается на реалистический вывод о неэффективности этой массовой и чрезвычайно дорогостоящей помощи, а не заявленное сближение с Путиным, которое стало практически невозможным после обвинений о вмешательстве в президентскую кампанию. Тот же самый реализм подтолкнул Эммануэля Макрона к тому, чтобы отказаться от политики своего предше-

ственника и признать неизбежность Башара Асада. Точно такой же поворот наблюдается и в политике Великобритании, которая была вместе с Францией главной противницей президента Сирии. Саудовская Аравия, которая наравне с Катаром и Турцией являлась главным источником поддержки оппозиционеров, посоветовала им изменить планы на будущее. Сирийская армия

недавно прорвала осаду стратегического города Дейр-эз-Зор на Евфрате, который в течении трех лет находился в окружении отрядов ИГИЛ. Это событие стало решающей победой в освобождении востока Сирии. Направление ветра резко изменилось, и оппозиционеры с мятежниками оказались деморализованы и дезориентированы. Но как до такого дошло, если в начале восстания Запад и его ближневосточные союзники были убеждены, что Асада быстро сметет «революционная волна арабской весны», как это было с Бен Али и Мубараком?

Запад, его региональные союзники и радикальные противники Асада допустили целый ряд ошибок. Их первое заблуждение касалось прочности и единства сирийского режима. Расчет на давление уличных протестов и последующую милитаризацию движения оставлял без внимания стремление режима выжить и устранить угрозу для своего существования, как он это сделал тридцатью годами ранее, безжалостно подавив кровавое восстание «Братьев-мусульман». Далее, после жесткого разгона демонстраций непреклонность оппозиционеров в изгнании, мятежников и их западных покровителей, которые требовали в частности ухода Башара Асада, сделала невозможными переговоры и посредничество. Кроме того, они проигнорировали поддержку Асада со стороны части населения, причем не только религиозных меньшинств. Эта поддержка, кстати говоря, лишь росла на фоне обострения вооруженной борьбы и устроенных «Аль-Каидой» терактов, которые толкнули в объятия вла-

сти многих неопределившихся и сторонников мирных перемен. Эта «джихадизация» мятежа предоставила Башару Асаду прекрасный мотивационный символ (борьба с иностранными или получающими оружие из-за границы боевиками) и стратегии отделения мятежников от населения. Воспользовался Асад и усилением позиций джихадис-

тов и салафитов в рядах повстанцев.

С самого начала кризиса главной слабостью западной стратегии смены режима было отсутствие достойной, демократической, светской и умеренной альтернативы Асаду. Демократы находились в меньшинстве в оппозиции, а сама демократия не входила в число главных тем демонстраций. Как бы то ни было, иллюзия демократического восстания способствовала формированию нереалистичной западной стратегии, которую отличали непоследовательность и непостоянство. Морализаторство и возмущение (пусть оно и оправданно, если не является избирательным) не могут лечь в основу ясной и эффективной политики. По-настоящему умеренная оппозиция (она на самом деле слаба), которая выступала за смену режима и против иностранного вмешательства, была проигнорирована в угоду сторонникам вооруженной борьбы. Исламисты заправляли всем среди оппозиционеров в изгнании. Кроме того, серьезным ударом по ним стало соперничество среди их покровителей оппозиции было очень далеко до статуса «легитимного представителя сирийского народа», а которым говорили ее иностранные спонсоры.

Еще одним мифом были возможности так называемой умеренной оппозиции: на самом деле у нее никогда не было достаточно сил, чтобы победить сначала сирийскую армию, а затем салафитов и джихадистов. Если верить представленному Обаме докладу Пентагона, экстремисты играли ведущие роли в восстании еще с авгу-

ста 2012 года. К тому же, в программе «умеренных» не было ни намека на светское государство, демократию и соблюдение прав меньшинств. Они сотрудничали с радикалами, а затем сами влились в их ряды или были уничтожены ими. Вопреки утверждениям, их слабость связана не с недостатком западной поддержки, а с меньшей боеспособностью (по сравнению с салафитами и джихадистами) и относительно неэффективностью. С самого начала войны существовала запущенная ЦРУ программа поставок им оружия с Балкан на деньги Саудовской Аравии. Как мы и опасались, из-за отсутствия четкого разделения среди мятежников это оружие быстро оказалось в руках радикалов, которые воспользовались им для подавления умеренных. Дорогостоящая американская программа подготовки и вооружения мятежников обернулась громким провалом.

Уроки вторжения в Ирак с самого начала отталкивали Запад от массового военного вмешательства. Как бы то ни было, оппозиционеры в изгнании, повстанцы и их покровители из Персидского залива продолжили питать иллюзии на этот счет. По счастью, на Западе осознали, что такое вмешательство обернулось бы катастрофой, как в Ираке и Ливии, и повлекло за собой разрушение сирийского государства, чем воспользовались бы салафиты и джихадисты. Кроме того, стоит отметить серьезные сомнения насчет способности оппозиционеров в изгнании и вооруженных мятежников представить достойную альтернативу правительству.

Именно угроза для Башара Асада со стороны джихадистов с весны 2015 года стала причиной начала осенью того же года ограниченного, но эффективного вмешательства российской авиации. В отличие от западного курса, стратегия помощи сирийскому союзнику России и Ирана отличалась последовательностью, решительностью и большей реалистичностью, вне зависимости от использованных средств.

Формирование демократической власти в Дамаске было совершенно нереалистичной целью Запада, тогда как его региональные союзники в лице Саудовской Аравии, Катара и Турции стремились к утверждению исламистской власти. Эти суннитские страны финансировали и вооружали (как тайно, так и открыто) самые что ни на есть экстремистские группы, в том числе и

«Исламское государство», которое затем обернулось против них. Западные правительства не просто загнали себя в ловушку альянсами с этими странами, а стали жертвами собственной риторики и иллюзий под давлением СМИ и интеллектуалов, которые пламенно выступали в поддержку несуществовавшей «демократической революции». Местные управляющие советы в мятежных зонах постепенно сдали позиции под давлением радикалов. В то же время прозорливых и объективных наблюдателей, которые критически отзывались о позиции Запада, называли «приспешниками Асада». Взятый курс способствовал миграционному кризису и усилению терроризма.

Чтобы убедиться в том, как СМИ влияют на наше восприятие действительности, достаточно взглянуть на различия в освещении осад Мосула и Восточного Алеппо, хотя обе они оказались кровавыми (пусть и в разных пропорциях с учетом семикратной разницы в населении), а оба города находились в руках джихадистских групп, использовавших население в качестве живого щита («Аль-Каида» и ее союзники в Восточном Алеппо представлялись в СМИ менее опасными, чем ИГИЛ в Мосуле).

Башар Асад побеждает в войне. В то же время существенная часть территории страны все еще неподконтрольна ему. В провинции Идлиб к западу от Алеппо сирийская «Аль-Каида» строит собственный исламский эмират, на севере курды сформировали автономный регион (с непонятными перспективами), не все территории которого курдские, а на востоке курдские силы состязаются с сирийской армией и ее союзниками в освобождении занятых «Исламским государством» регионов. На стабилизацию страны, вероятно, уйдет еще несколько лет. И до мира еще далеко. Иностранное вмешательство продолжается. Помимо погибших и раненых, половина сирийцев бежала за границу или стали беженцами в собственной стране. Образование, здравоохранение, экономика и инфраструктура очень сильно пострадали. Что еще серьезнее, раздираемому на части обществу придется найти путь к примирению, а война, мягко говоря, не способствовала решению сирийских проблем: коммунизм, коррупция, отсутствие демократии, исламизм...

Филипп Жоттар (Philippe Jottard), бывший посол в Дамаске Le Vif.be, Бельгия